

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

Выпуск 4 – 2017 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2017.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/20SFK417.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Захарова Н.А. О предпосылках формирования христианского понимания свободы // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2017 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/20SFK417.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 29

Захарова Н.А.

О предпосылках формирования христианского понимания свободы

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические предпосылки христианского понимания свободы. Показано, что именно и каким образом из Ветхого Завета и античной философии было синтезировано и переработано в христианской концепции свободы.

Ключевые слова: христианство; человек; Бог; свобода; провидение; Ветхий Завет; античная философия

Рассматривая теоретические предпосылки формирования христианского понимания свободы, следует иметь в виду, что синкретизм христианской философии восходит как к ветхозаветной традиции, так и к некоторым чертам античной идеалистической философии. Специфика христианства в данном случае заключается, во-первых, в сочетании различных социальных ориентаций и, во-вторых, в конкретно-историческом характере этого синтеза, обусловленного социальными и культурно-историческими условиями формирования христианской идеологии.

Архаичное сознание рассматривало мир человека наивно-натуралистически, не выделяя его из общего порядка космоса в качестве особой сферы бытия. Однако сам образ микрокосма являлся антропо- и социоморфным, что само по себе подтверждало отсутствие собственно антропологической проблематики, и позднее, когда постепенно стала осознаваться грань, отделяющая мир человека от мира природы, этот последний еще долго рассматривался в «социальной» проекции. Древнегреческая философия (досократовская) носила преимущественно космологический характер. Но уже у Сократа и Платона человек становится самостоятельным предметом рассмотрения. В философских учениях стоиков и неоплатоников, наиболее близких христианству, проблемы человека, соотношения его свободы и божественного провидения выдвинулась на передний план. У стоиков свобода индивида связывается с чувством безусловной зависимости от необходимости, с полной преданностью воле бога, которая все направляет к лучшему. «Мы рождены под единодержавной властью: повиноваться богу – вот в чем свобода наша», – утверждал Сенека [1].

Один из представителей неоплатонизма Плотин также считал, что все в мире подчинено всеблагому провидению, которое ничего не оставляет на долю случая: все в мире предустановленно и строго детерминировано. Но из этого, по мысли Плотина, не следует, что действия человека также детерминированы и что он не имеет над ними никакой власти. Напротив, эта свобода воли даже требуется идеей провидения, отрицать эту свободу – значит

сводить мир к сплошному единству, следовательно, философ делает вывод: само провидение требует, чтобы человек сам был принципом своих действий, но принципом, подчиненным закону и провидению.

Другие философы этой школы пытались примирить свободу и необходимость на нравственной почве, считая, что провидение – это основанное на принципе справедливости мироправление; справедливость же немыслима там, где нет свободы воли. Отсюда следовал вывод: справедливость царствует в мире, который устроен и существует по плану провидения, и свободная воля человека не может нарушить провиденциального порядка, ибо сообразуется с ним и подчиняется ему.

Все эти идеи были так или иначе использованы в христианстве, пройдя в нем соответствующую переработку. Близость философии стоиков и неоплатоников христианству признавали сами «отцы» церкви. Например, Августин считал себя последователем Эпиктета. Тертуллиан и Иероним называли Сенеку «нашим». Юстин утверждал, что взгляды неоплатоников не чужды учению Христа. Очевидно, что античная философия предоставляла христианским идеологам широкие возможности для заимствования самых разнообразных идей и понятий, нужных для обоснования и формирования собственно христианского мировоззрения. Она выработала идею бога как бесконечного духа, резко провела грань между миром тварным и миром божественным, которому она приписывала действительное бытие; дохристианские философско-этические учения уже подвели к тем идеям, которые составили стержень христианства: об искуплении, о логосе, дали материал для выработки догматов о богочеловеке, троичности, о загробном блаженстве и т. д. И, конечно же, античная философия сделала попытку решить вопрос о соотношении божественной воли и свободной воли человека.

Наконец важным источником формирования христианства, и в частности христианских взглядов на свободу человека и божественную необходимость, была Ветхозаветная часть Библии. Именно из Ветхого Завета были заимствованы мысли о том, что единый Бог создал этот мир, поддерживает его и через провидение направляет его развитие, что Он открыл свою волю в знамениях и требует послушания, мысль о том, что хотя человек сотворен со свободной волей, Бог наперед знает все его поступки и помыслы, что божественная премудрость в качестве провидения правит человеческой историей. В Ветхом Завете также была сделана попытка найти какое-то примирение между провиденциализмом и признанием свободы воли. Бог – первопричина всего существующего, он – творец и управитель мира и каждого отдельного существа, человек же – существо тварное, полностью зависимое от Бога. (Такое категорическое утверждение о полной зависимости человека от создавшего его Бога вело к новым противоречиям: если Бог – причина всего, то значит, Он же и причина зла, существующего в мире, и тогда неверна мысль об ответственности человека за грехи. Если же зло существует независимо от Бога, то как же утверждать о всемогуществе Бога и предопределении всех событий? С этой антиномией, четко выраженной в Ветхом Завете, столкнулось христианство, когда оно рассматривало проблемы отношения человека и Бога, спасения и т. д.). В Новом Завете развиваются идеи Ветхого Завета о Боге как владыке всех людей, определяющем их жизнь, но в отличие от последнего жизнь общества и отдельного человека поставлена в зависимость не только от воли самого Бога-Отца, но и от мученической смерти и воскресения Сына Божьего Иисуса Христа. Библейская концепция провиденциализма дополнилась пророческой идеей пришествия мессии, которым якобы завершается история человечества. Из Ветхого Завета христианство восприняло переживание времени как эсхатологического процесса, идею божественного правосудия, богоизбранничества и т. д.

Таким образом, содержание Ветхого Завета давало немало материала христианским богословам, но идеи его нуждались в истолковании, в переводе с языка образов на язык понятий с последующей интерпретацией подходящих понятий в некую систему. Такой концептуальный язык, на который можно было перевести образный язык Ветхого Завета, был в то время язык

греческой философии. И здесь большую роль по формированию собственно христианской теологии сыграл «отец христианства» Филон Александрийский – видный представитель библейской экзегетики. Его учение вылилось в своеобразное сочетание иудаизма с греческой философией, в особенности с платоновской и стоической. В понятии логоса, являющимся основным пунктом системы Филона, иудейские представления о божественной мудрости и о творческом слове Откровения связываются со стоической идеей божественного разума, действующего в мире. (В древнегреческой традиции Логос означал «схватывание» сущности вещи, а также одновременно ее сущностную природу, форму и структуру. Логосу как универсальному разуму, обладающему, согласно учениям древнегреческих мыслителей, объективным характером, соответствовал Логос субъективный, выступающий в форме законов мышления. Но если в древнегреческой философии Логос проявляется в сфере как физической, так и познавательной действительности, то позже, в христианской философии Логос получает историческую интерпретацию и означает Слово, которое стало воплощенным Христом. И Филон положил начало этой христианской традиции толкования Логоса). С одной стороны, Логос Филона есть принцип, образующий мир и управляющий им. Но помимо своей связующей и управляющей функции, он играет также роль заступника за людей; это личный посредник божественного откровения в истории Израиля, он – действующее лицо во всех явлениях Бога в истории, начиная от рая и вплоть до законодательства на Синае. Филон видит перед собой задачу увязать идею трансцендентного недоступного Бога с рациональной организацией универсума и человеком. Разделенные пропастью взаимоотрицающих свойств, Бог и мир, Бог и человек без посредника – Логоса, не могли бы соединиться.

Идея Логоса в христианстве была трансформирована и получила более доступное для понимания масс выражение в учении о богочеловеке, Христе-Спасителе, который промыслительно приходит на землю. Таким образом, впервые в философии Филона Александрийского формулируется новое понятие о Боге, которое легло в основание всего последующего богословия.

Но следует отметить, что судьбу христианства, его устойчивость, его огромное влияние определил не удачный синтез отдельных элементов религиозной философии, а то, что оно отразило факты своей эпохи. И если христианство и эллинская философия, несмотря на близость многих положений, не могли формально «примириться» между собой, то это объясняется тем, что эти две идеологии отражали разные этапы в истории рабовладельческого общества. Христианство соответствовало условиям своего времени и приспособлялось к ним; философия неоплатоников и стоиков пыталась приспособить к новым условиям старую идеологию. Кризис исторической эпохи, бессилие и зависимость человека от довлеющих над ним природных и социальных сил были объяснены и интерпретированы христианством на доступном языке. В отличие от абстрактных, трудных для понимания философских систем, христианство в доступной форме интерпретирует земное обесценивание человеческой личности и указывает путь для освобождения. Эпоха становления христианства была как раз тем временем, когда кризис рабовладельческой общественно-экономической формации до предела обострил социальные противоречия. С крушением полисного уклада рушатся и бывшие системы ценностей. Если раньше смысл жизни виделся в единении с целым, в служении обществу, то теперь изменившиеся обстоятельства (империя уже не представляется процветающим и совершенным целым, служить которому – благо) обесценивают реальную практическую деятельность.

Кризисное мироощущение выливалось в осознание бессмысленности и бесперспективности социальной деятельности. Представление о невозможности что-то изменить и довлеющее чувство несвободы приводит к перемещению человеческой активности из практической сферы во внутреннюю, духовную. Чтобы стать свободным, человек должен отрешиться от внешнего мира, ибо зависимость от него неминуемо ведет к умалению свободы

(ранее эта мысль была выражена в позднем стоицизме). Свобода как бы противопоставляется всему окружающему и переносится во внутренний план. Таким образом, свобода субъективируется и понимается не как возможность воздействовать на реальный мир, а как выбор отношения к этому миру. Свобода выбора отношения к миру понимается как свобода в собственном смысле этого слова.

И следующий момент в переосмыслении свободы: признавая неизбежность и неумолимость действия необходимости, человек персонифицирует ее, воспринимает уже не как слепую судьбу, рок, а как действие в мире разумной и осмысленной божественной воли. Божественный промысел поэтому не может препятствовать человеческой свободе, но может сливаться с нею в некую гармонию. Ведь истинная свобода проявляется именно в тяготении к божественному и слиянию с ним.

По учению «отцов церкви», свобода человека – великий дар, данный ему Богом. Григорий Нисский писал: «...Творец вложил в природу человека принцип самостоятельности, определяющий всю жизнь разумного существа, как его собственную, от него исходящую, от него зависящую» [2]. Татиан отмечал, что если отнять у человека свободу воли, тогда невозможны ни истина, ни добро, ни зло, невозможно думать об обращении грешника на путь истинный» [3]. Но теми же богословами в соответствии с общими положениями христианского мировоззрения признавалось, что свобода человека полностью зависима от Бога. Человек ничего не может изменить в мире самостоятельно, не опираясь на помощь Бога. Свобода сводится богословами только к свободе выбора между добром и злом, она ограничивается рамками нравственного самоопределения, свободного следования «добру», «истине», «свету», воплощенных в Боге, или «злу», «греху». И то, что вопрос о свободе человека и божественной необходимости ставится в богословии в нравственном аспекте, сводится к вопросу: какова роль человеческой воли и божественного предопределения в спасении человека, в какой степени он ответственен за свои поступки и насколько его действия определяются Богом, – не случаен и имеет свое объяснение.

В становлении христианских воззрений на свободу первичным моментом была спиритуализация того реального мира, в сфере действия которого находится человек. Спиритуализация выражалась в выделении духовного начала, сущность которого не связана с земными отношениями. Земное, естественное рассматривается с точки зрения его ценностного содержания, обнаруживающего себя в согласовании со сверхъестественным. Религиозное отчуждение выражается преимущественно в этической форме: представления человека о должном, о добре и зле были отчуждены в сферу трансцендентного и были сфокусированы в идее Бога. И понятно, что этический подход к понятиям свободы и необходимости вызывает их внутреннее разделение по соотношению с категориями «добра» и «зла»: свобода и необходимость могут отождествляться со «злом» или «добром», вести к Богу или от Него.

Итак, в первоначальном христианстве была заложена идея, которая потом полностью вошла в ортодоксальное богословие, рассматривать проблему свободы в этическом плане, как свободу воли. Воля выделялась как область реализации человеческой сущности. Свобода осмысливалась как понятие, выражающее внутреннее состояние человека, его специфическое духовное качество. При этом свобода характеризовала не столько реальное положение личности, сколько ее отношение к Богу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии в 4-х томах. М.: Мысль, 1969. Т.1. Ч.1. С. 516.
2. Мартынов А. Учение св. Гр. Нисского о природе человека. М., 1886. С. 100.
3. Скворцов К. Отцы церкви (период апологетики). Киев, 1868. С. 47.

Zakharova N.A.

On the premises of the Christian understanding of freedom

Abstract. The article discusses the theoretical background of the Christian understanding of freedom. It has been shown that it is, and how the Old Testament and ancient philosophy was synthesized and processed in the Christian concept of freedom.

Keywords: christianity; person; God; freedom; providence; Old Testament; ancient philosophy

REFERENCES

1. (1969). *Antologiya mirovoj filosofii v 4-x tomax. Tom 1. Chast' 1. [Anthology of world philosophy in 4 volumes. Volume 1. Part 1.]* Moscow: Thought, p. 516.
2. Martynov A. (1886). *Uchenie sv. Gr. Nisskogo o prirode cheloveka. [The doctrine of St. Gr. Nyssa about the nature of man.]* Moscow, p. 100.
3. Skvorcov K. (1868). *Otcy cerkvi (period apologetiki). [The fathers of the church (the period of apologetics).]* Kiev, p. 47.